IX 1975

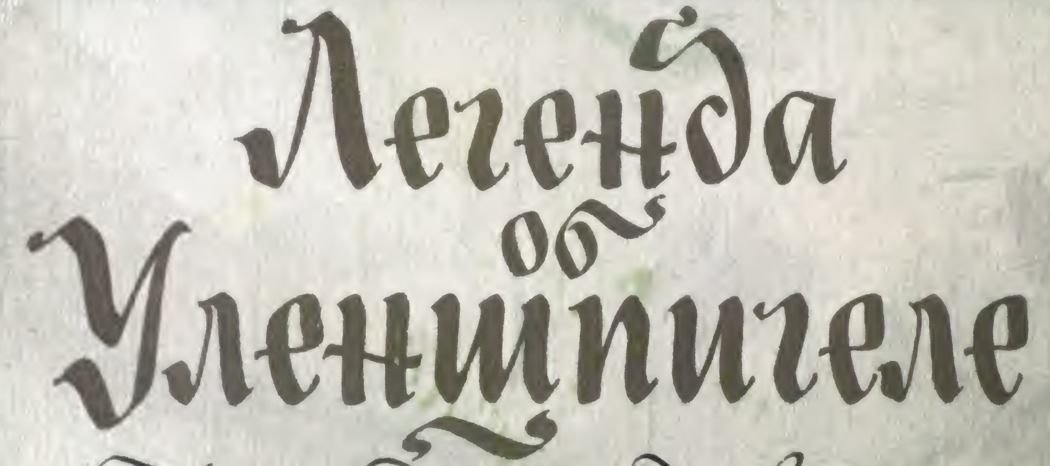
0 8

ТУ 19—32—73

9

3

студия
ДИАФИЛЬМ

По роману Шарля де Костера

ХУДОЖНИК П. БУНИН

ЧАСТЬ 1

Было это лет четыреста назад, а то и больше. На западе Европы, во Фландрии, жил весёлый и трудолюбивый народ — фламандцы. Фландрия находилась тогда под властью императора Карла Пятого, короля Испании, Германии и многих других стран.

В городке Дамме жил когда-то человек по имени Клаас— плечистый здоровяк с открытым и добродушным лицом. Каждый день он появлялся на улицах с тележкой, в которой развозил по домам уголь для печей.

Завидев его, жители выходили на крылечки, и отовсюду слышалось: «Добрый день, Клаас!» — «Здравствуй, угольщик!» — «Удачной тебе торговли!» — Все любили Клааса за весёлость и добрый нрав.

У Клааса не было ни лошади, ни вола — слишком уж большие налоги собирал император. Поэтому ему приходилось самому впрягаться в плуг вместе со своей женой Сооткин. Они никогда не унывали и во время работы часто пели. 6

В один из майских дней, когда распустились лепестки на кустах боярышника, перед самым восходом солнца у Клааса и Сооткин родился сын. Отец взял ребёнка из рук счастливой матери и поднёс к окну.

— Мой малéнький сын! — сказал он. — Посмотри: вот солнце приветствует землю Фландрии. Оно ясное и горячее. Будь же настолько честен и смел, насколько ясно солнце, и настолько справедлив и добр, насколько оно горячо.

В кошельке у Клааса не было ни единой монетки, а в погребе — всего несколько лепёшек. Но соседи принесли хлеба, мяса, пива, и вечером Клаас и Сооткин в кругу друзей отпраздновали рождение сына. Назвали его — Тиль.

В тот же день в Испании у императора Карла Пятого тоже родился сын — Филипп. В честь его дня рождения было устроено пышное празднество. По улицам двигались торжественные шествия, на перекрёстках развесили колбасы, а из фонтанов било вино.

Королевский ребёнок лежал в позолоченной колыбели, в пышных кружевах. Вокруг толпились придворные, хором восхищались его красотой и предсказывали ему великое будущее. А младенец ревел, как телёнок.

Время шло. Тиль рос смелым, ловким и озорным парнем. Он очень подружился с соседской девочкой Неле и часто гулял с ней в окрестностях города.

А помощником его в шалостях и проделках стал добродушный и толстый Ламме Гудзак.

Однажды они увидели на базаре палатку, над входом её висела бадья с водой, а к палатке был привязан тощий осёл. 13

—Покупайте святую воду! Она излечивает все болезни!— кричал жирный испанский монах.

Обманутые бедняки покупали воду. А в глубине палатки монахи объедались и пили вино.

—Ну, если эта вода не может избавить нас от императора Карла, то пусть она, по крайней мере, излечит монахов от пьянства и обжорства,—сказал Тиль. С этими словами он показал ослу горсть овса.

Увидев вкусную пищу, голодный осёл взбрыкнул, рванулся вперёд, «святая вода» вылилась, а палатка обрушилась.

Монахи долго барахтались под ней, а Тиль и его друзья хохотали.

Вскоре Тиль сам поставил на базаре палатку и объявил, что в её окошке каждый сможет увидеть своё будущее.

Если подходил спесивый испанский вояка, в окошке показывалось жаркое на блюде. — «Вот что сделает из тебя война, доблестный стервятник», — говорил Тиль.

Если подходил толстый монах, Тиль выставлял бурдюк с вином: «После обжорства тянет выпить, значит, быть тебе винным погребом». — И все вокруг смеялись.

Стоя возле своей палатки, Тиль кричал: «Ик бен улен шпигель! Ик бен улен шпигель!» — что значит: «Я — ваше зеркало!» С тех пор его и прозвали — Уленшпигель.

А сын императора Филипп рос хилым и мрачным. Он выискивал тёмные проходы во дворце и садился в уголок, вытянув ноги. Проходившие мимо падали, и это очень нравилось Филиппу. Но он никогда не смеялся.

Во Фландрии была тёплая и ласковая весна. Уленшпигелю очень нравилось ходить по людным ярмаркам и рынкам Дамме. Если он встречал какого-нибудь музыканта, то за небольшую плату брал у него уроки и скоро научился играть на разных инструментах.

Встретив странствующего живописца, он нанимался к нему растирать краски и между делом учился рисовать. За короткое время он научился разным ремёслам.

А молодой принц Филипп становился всё более хмурым и злым. Больше всего он любил мучить животных и никогда не смеялся.

Однажды Клаас увидел, как Уленшпигель поймал птичку. — «Я хочу посадить её в клетку, и она будет мне петь», — сказал Тиль. — «Ну что ж, сажай, — ответил Клаас. — А если тебя самого посадить в клетку, как ты запоёшь?» — И Уленшпигель задумался.

Потом он подбежал к окну и выпустил птицу. А Клаас положил ему руку на плечо и сказал: «Сын мой, свобода — это самое большое счастье. Никогда не лишай свободы ни животное, ни человека. Не следуй примеру угнетателей, заковавших в цепи нашу страну».

А через некоторое время император Карл торжественно возложил корону на голову своего сына Филиппа и провозгласил его королём Испании и других стран. И Филипп поклялся не давать пощады своим подданным.

На городских площадях жгли и мучили честных граждан, гремели барабаны, и королевские глашатаи объявляли, что всякий, кто скажет про нового короля хоть одно худое слово, будет повешен, живьём закопан в землю или сожжён. Пришли глашатаи и в Дамме.

Услышав их, Клаас помрачнел и сказал Сооткин: «Теперь совсем не станет житья честным людям, а доносчики станут получать половину имущества своих жертв».

Рядом стоял рыбный торговец Иост, скупой и злобный старик. Он запомнил слова Клааса.

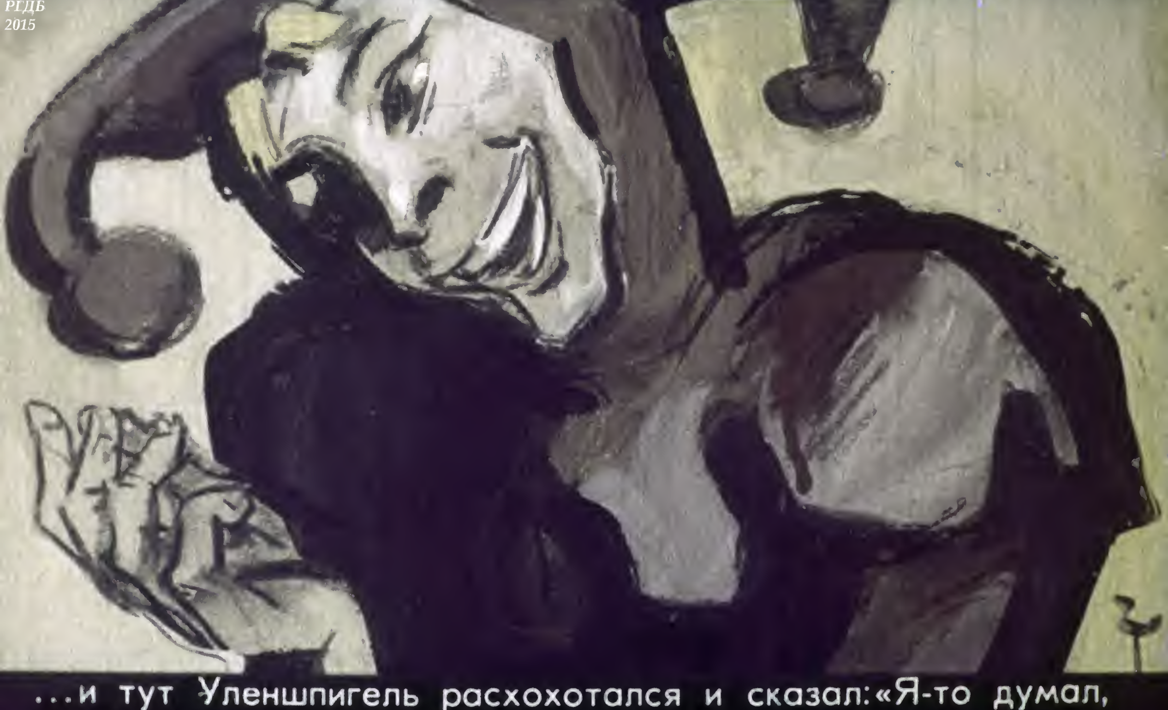
В это время король Филипп объезжал свои владения. Городские власти изо всех сил старались развеселить грозного гостя. Уленшпигель оделся «дураком» (то есть шутом) и объявил, что в присутствии короля будет летать. Вельможам так захотелось угодить королю, что они поверили.

И вот в день приезда Филиппа на площади собрался народ. На возвышении сидел король. Все ждали фокуса, который покажет «дурак из Дамме».

Уленшпигель взобрался на крышу, раскинул руки, толпа замерла...

...и тут Уленшпигель расхохотался и сказал: «Я-то думал, что я тут единственный дурак, а теперь вижу, что их полным-полно. Если бы вы сказали мне, что собираетесь летать, я бы не поверил. А к вам приходит дурак, и вы ему верите. Ну и легко же вас одурачить, милые сограждане».

Одни в толпе смеялись, другие бранились, но все говорили одно: «А ведь дурак правду сказал! Чиновники и монахи дурачат нас ещё больше».

Только король Филипп не смеялся.

И вдруг, когда Уленшпигель спустился вниз, кто-то его дёрнул за рукав. Это была Неле, вся в слезах. — «Тиль, милый, — зашептала она, — я тебя ищу уже несколько дней. Скорее домой! Беда! Клааса посадили в тюрьму!»

Вот что рассказала Неле. Однажды утром, когда Клаас чинил свои стоптанные башмаки, а Сооткин болтала с Неле, забежавшей в гости, раздался стук, и на пороге появились стражники. — «Угольщик, — сказал один из них, — ты арестован за оскорбление короля и его указа!»

—«Он ни в чём не виноват! — закричала Сооткин. — Неле, они его убьют!» — Стражники схватили Клааса. Неле кинулась на них: «Отпустите его! Тиль, где ты?»

Стражники тащили Клааса по улице, из окон выглядывали испуганные лица, а у ворот Клаасова дома стоял и усмехался рыбник Иост.

Когда Уленшпигель прибыл в Дамме, на площади уже шёл суд. Клаас, избитый, измученный жестокими пытками, стоял перед судьями, гордо подняв голову. А рыбник, донёсший на него, в сотый раз повторял, что Клаас ругал королевскую власть и доносчиков.

— «Признаёшь ли ты себя преступником, — спросил судья, — отрекаешься ли от своих заблуждений и считаешь ли короля Филиппа своим законным государем?» — «Я честный труженик, а не преступник, — отвечал Клаас, — и я проклинаю власть убийцы и тирана».

И суд постановил: сжечь угольщика Клааса на костре. Услышав это, Сооткин и Неле зарыдали, а Уленшпигель бросился к отцу, но стражники плотной стеной окружили место суда.

А рыбник стоял и ухмылялся, потому что суд присудил отнять у Клааса всё имущество и половину отдать королю, а другую — доносчику.

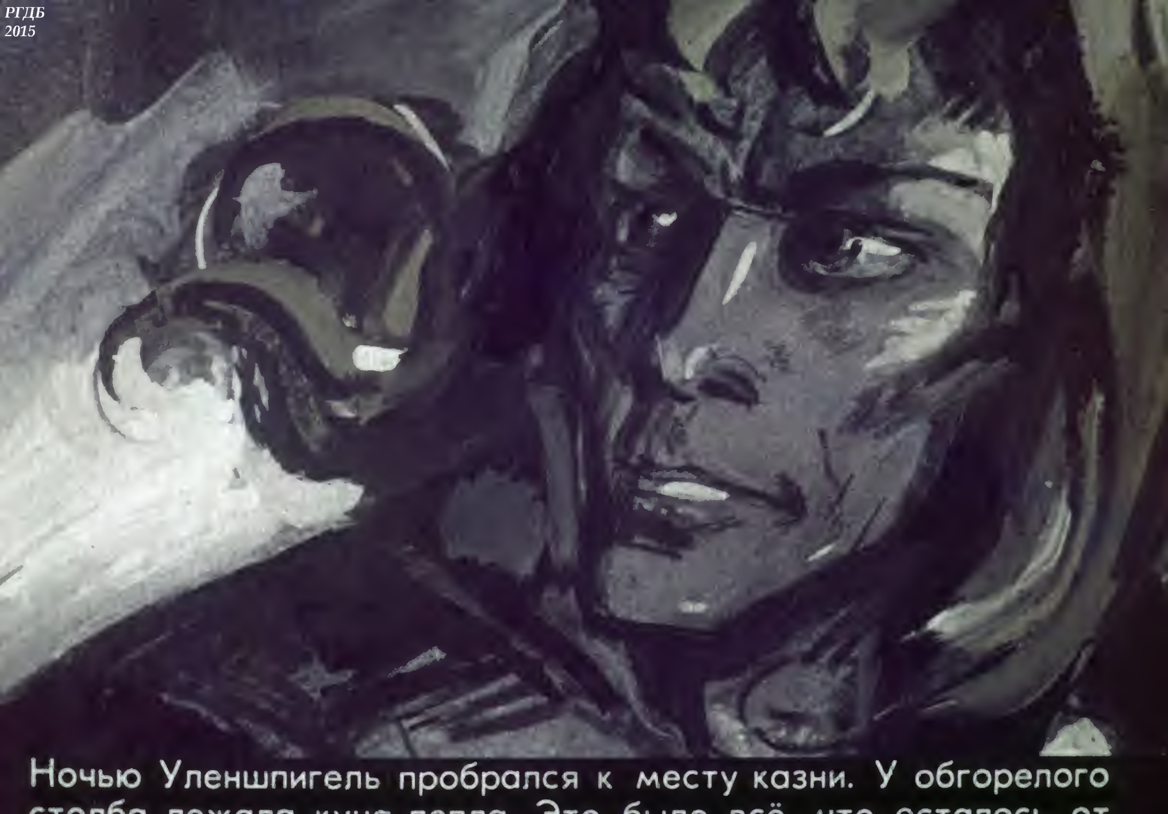
Наутро на площади был сложен костёр. Клааса привязали к столбу, и под колокольный звон палач с трёх сторон запалил поленья.

Уленшпигель, Сооткин и Неле сидели дома — друзья не пустили их на площадь, чтобы они не видели мук Клааса. Вдруг Сооткин побледнела и показала пальцем на окно.

Над крышами домов взвился длинный язык пламени и повалил чёрный дым. Послышался страшный крик Клааса: «Соткин! Тиль!»

Ночью Уленшпигель пробрался к месту казни. У обгорелого столба лежала куча пепла. Это было всё, что осталось от Клааса. Уленшпигель взял горсточку пепла и понёс домой.

Дома Сооткин сшила для пепла мешочек из красного и чёрного шёлка, надела его на шею сыну и сказала: «Пепел — это сердце Клааса, красный шёлк — его кровь, чёрный шёлк — наша скорбь. Пусть же это вечно будет у тебя на груди, как пламя мести палачам нашей родины».

Конец 1-й части

Д-084-73

Цветной 0-30

IX 1975

0 7 1

ТУ 19—32—73

5

2

ДИАФИЛЬМ

Легенда об Уленшпигеле
По роману Шарля де Костера
ХУДОЖНИК
П. БУНИН
ЧАСТЬ 2

Вскоре после смерти Клааса Сооткин заболела от горя и умерла. Уленшпигель не ел, не пил и только повторял: «Пепел Клааса стучит в моё сердце».—Глядя на него, Неле заливалась слезами.

Уленшпигель не находил себе места и всё время бродил по городу. Однажды, поздно вечером, он проходил по берегу канала. Из кабачка вышел человек, он был навеселе и что-то напевал.

Это был рыбник Иост. Увидев Уленшпигеля, он очень испугался и захныкал: «Не трогай меня! Я донёс на твоего отца не по злобе, я просто верный раб его величества! Я готов отдать тебе все деньги, что получил за донос».

—Пепел стучит в моё сердце,—ответил Уленшпигель. Он взял рыбника за шиворот, швырнул его в канал и, не оглядываясь, пошёл прочь.

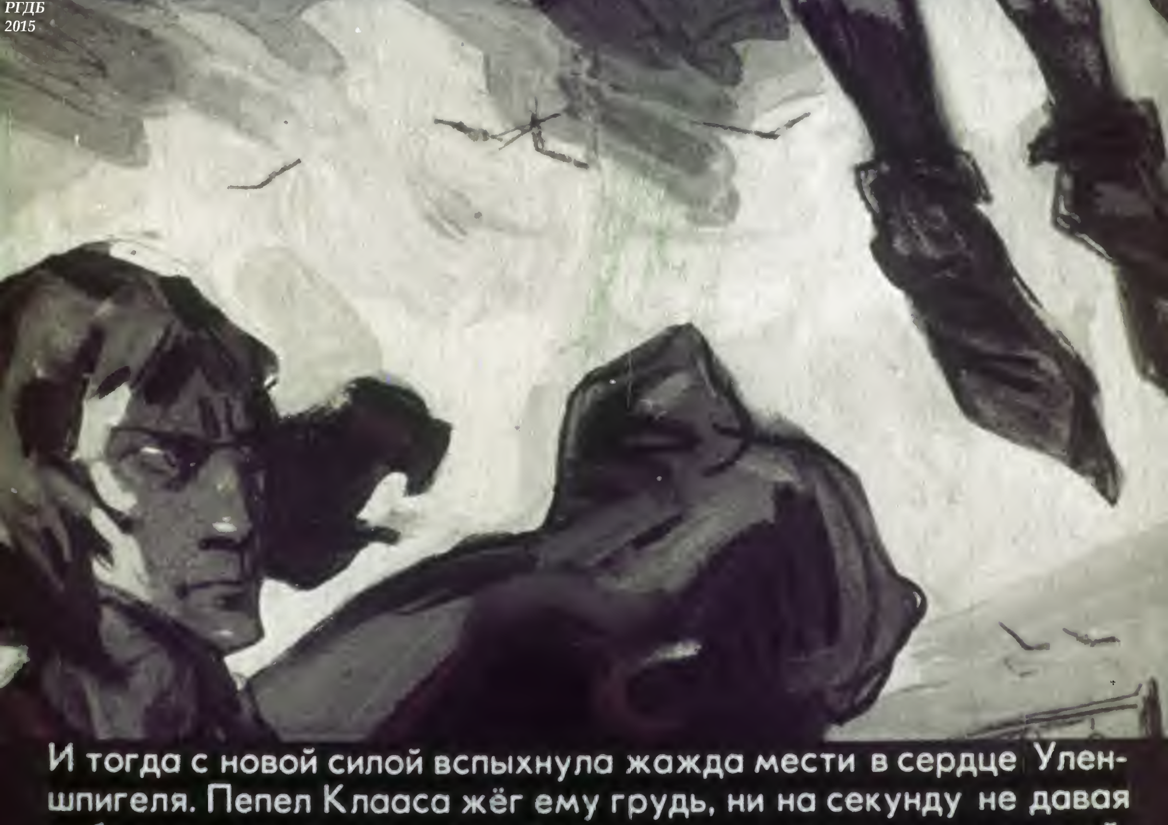
А король Филипп сидел в своём дворце и целыми днями, а то и ночами сочинял грозные указы и письма. — «Пусть я превращу всю Фландрию в братскую могилу, — говорил он, — но она покорится мне!»

Своим наместником во Фландрии король назначил испанского герцога Альбу. Он приказал ему расправляться с непокорными, не щадя стариков, женщин и детей. И по всей Фландрии запылали костры. А имущество казнённых отходило королю и доносчикам.

При многих казнях Альба присутствовал сам. Король не ошибся в своём выборе: герцог был на редкость жестоким человеком.

И тогда с новой силой вспыхнула жажда мести в сердце Уленшпигеля. Пепел Клааса жёг ему грудь, ни на секунду не давая забыть о страданиях родной страны, о муках невинных людей.

Пришёл конец и терпению всего народа. Повсюду вспыхивали мятежи. Повстанцы нападали на солдат Альбы, на королевских чиновников, на жестоких испанских инквизиторов—членов церковного суда.

—Король ограбил нас,—говорили восставшие.—Мы нищие, и нам ничего не нужно, кроме свободы.—И они назвали себя «гёзы», что значит: «нищие».

И всюду появлялся Уленшпигель.—«Фламандцы, вооружайтесь!—призывал он.—Настал час мщения! Долой короля! Да здравствуют гёзы!»

Вместе с Ламме Гудзаком он пробирался из отряда в отряд, убеждая повстанцев объединиться в одну армию.

Однажды зимой они с Ламме шли через снежное поле и вдруг увидели толпу полуголых пленников, которых гнали два испанских солдата.

—Пепел Клааса стучит в моё сердце,—промолвил Уленшпигель; он снял аркебузу и двумя выстрелами уложил обоих солдат.

—Идёмте к лесным гёзам,—обратился к пленникам Ламме,—
они примут вас в свой отряд.—Так росло войско повстанцев.

Армия гёзов увеличивалась и одерживала всё новые победы. И всюду в первых рядах был Уленшпигель со своей аркебузой. Пепел Клааса жёг его сердце, имя его наводило ужас на врагов, а боевые песни, которые он пел, воодушевляли бойцов.

Уленшпигель и Ламме подпоили одного трактирщика, сторонника испанцев, и выведали планы противника. Пьяный трактирщик разболтал, что в трактир вот-вот придут шпионы. Испанцы собираются заслать их к гёзам. Они хотят вызвать раздоры в лагере и перебить командиров повстанцев.

Когда захмелевший трактирщик уснул, Уленшпигель и Ламме побежали на дорогу. Ламме с аркебузой притаился в кустах, а Уленшпигель сел на обочине, изображая нищего.

Вскоре на дороге появились три монаха.— «Святые отцы, подайте несчастному нищему грошик!» — затянул Уленшпигель.— «Сын мой,— отвечал один из монахов,— мы сами нищие, и денег у нас нет ни гроша».

Тогда Уленшпигель стал подниматься и как бы нечаянно задел толстое брюхо монаха. Послышался звон монет.— «Так вот какие вы нищие!— воскликнул Уленшпигель, хватая меч.— Вы—переодетые шпионы! Защищайтесь! Я—гёз!»

Бой был трудным — ведь Уленшпигель сражался один против троих. Ламме, следивший из-за кустов, боялся выстрелить, чтобы не попасть в друга. Один из врагов был уже мёртв. В то время, как Уленшпигель бился со вторым, третий замахнулся на него сзади...

...И в этот момент Ламме выстрелил, а Уленшпигель свалил своего противника. Шпионы были уничтожены. Теперь никакая тайная опасность не угрожала гёзам.

Уленшпигель и Ламме поступили во флотилию морских гёзов. Борьба с испанцами шла и на море, поэтому Уленшпигелю неделю пришлось ожидать первого морского боя с противником. Дым и пламя окутали корабли.

Уленшпигель подвёл корабль к самому борту испанского флагмана и скомандовал: «На абордаж!» — Морские гёзы, зацепив баграми вражеское судно, ринулись на неприятелей и захватили корабль.

Ночью флотилия подошла к городу. Здесь были враги. Мороз так сковал прибрежные воды, что корабли не могли подойти к берегу. Гёзы надели коньки и вышли на лёд.

Бежать было тяжело, вьюга мела в лицо, но Уленшпигель повторял: «Пепел Клааса жжёт моё сердце. Вперёд!» — и вёл за собой гёзов.

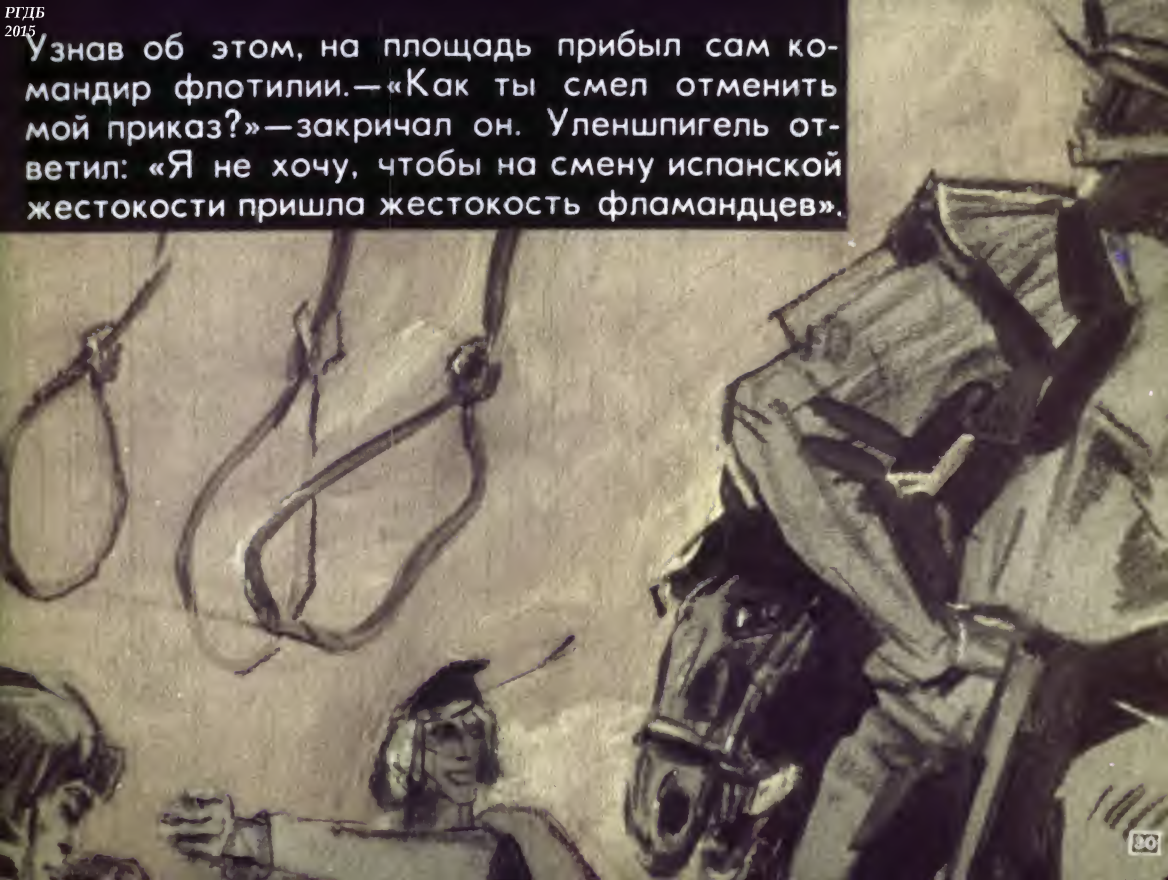
Бежать было тяжело, вьюга мела в лицо, но Уленшпигель повторял: «Пепел Клааса жжёт моё сердце. Вперёд!» — и вёл за собой гёзов.

И город был захвачен врасплох. Испанцы бежали.

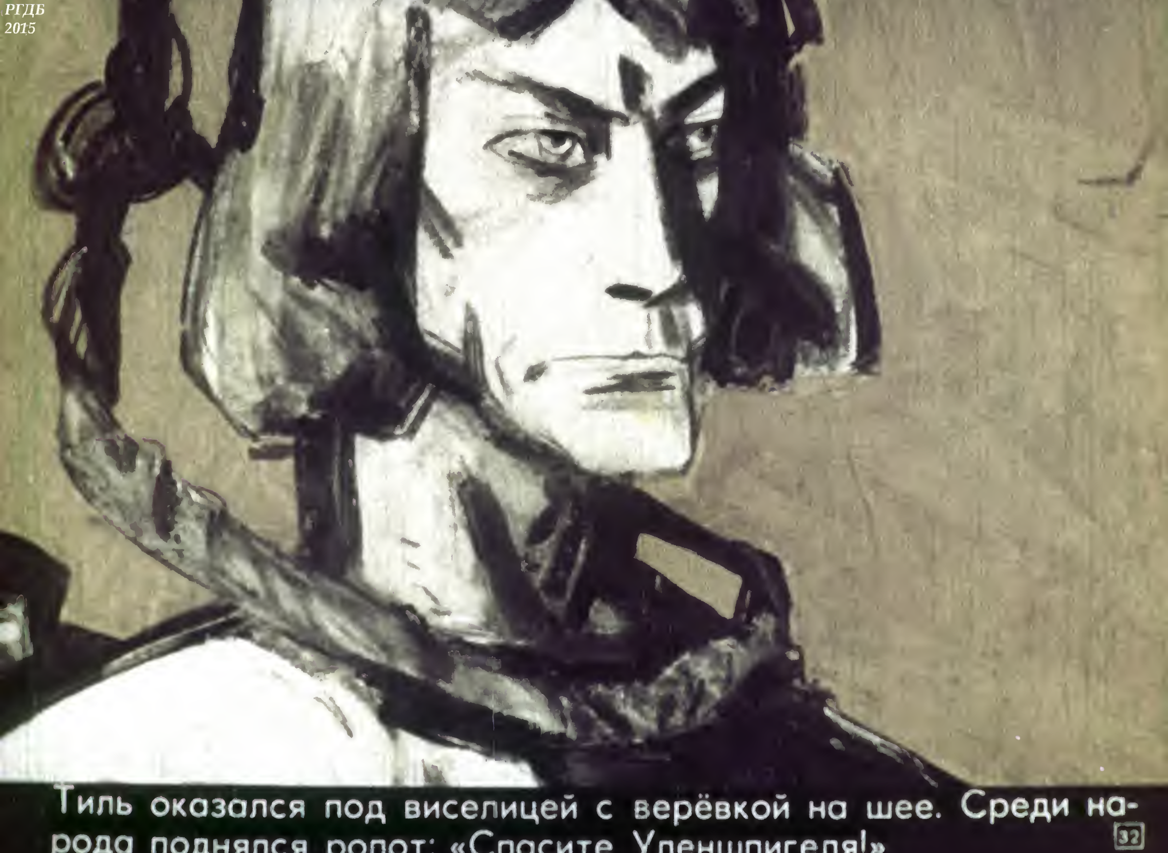

После победы командир флотилии отдал приказ: повесить всех родственников бежавших и убитых испанцев. Выстроили виселицы. Но тут появился Уленшпигель и приказал отпустить приговорённых.—«Женщины, старики и дети не виноваты в злодеяниях»,—сказал он.

Узнав об этом, на площадь прибыл сам командир флотилии.—«Как ты смел отменить мой приказ?»—закричал он. Уленшпигель ответил: «Я не хочу, чтобы на смену испанской жестокости пришла жестокость фламандцев».
80

—Повесить его!—в гневе крикнул адмирал. Солдаты схватили Уленшпигеля.

Тиль оказался под виселицей с верёвкой на шее. Среди народа поднялся ропот: «Спасите Уленшпигеля!»

Вдруг на помост взбежала девушка и крикнула: «Во Фландрии есть древний закон: если девушка согласна выйти замуж за приговорённого, казнь отменяется. Я хочу быть женой Уленшпигеля!» — «Отменить приговор!» — закричала толпа.

В тот же день Уленшпигель отпраздновал свадьбу. Весь народ приветствовал новобрачных, а Ламме веселился больше всех.

Вскоре в одном из городов собрались представители народа и торжественно объявили: «Власть короля Филиппа свергнута. Испанцы, живущие во Фландрии, больше не являются господами фламандцев».

Король Филипп был в ярости. Он грозил своим вельможам и военачальникам самыми страшными наказаниями, но уже ничего изменить не мог. Фландрия была свободна!

А Уленшпигель и Неле после победы гёзов поселились на берегу моря, в домике у маяка. Каждый вечер они брали факел и шли зажигать маяк, который указывал дорогу кораблям свободной Фландрии.

Однажды, гуляя в поле, Уленшпигель заснул. Прибежала Неле и стала будить спящего. Но Уленшпигель не просыпался.

Неле испугалась и заплакала. Мимо проходил бургомистр со священником и слугой. Он увидел Уленшпигеля и рыдающую Неле.–«Гёз Уленшпигель умер,—сказал патер,задыхаясь от радости,—слава богу. Мужик, копай скорей могилу».

Слуга бросился рыть могилу, в которую опустили Уленшпигеля, и стали засыпать землёй. Неле лежала на земле и рыдала, а патер произносил над могилой заупокойную молитву.

И вдруг могила зашевелилась. Из неё, чихая, вылез Уленшпигель. — «Инквизитор! — закричал он. — Ты думаешь, я умер?! Я просто устал за много лет скитаний и борьбы и решил отоспаться. Где Неле, её тоже похоронили?»

Неле подошла к Уленшпигелю. А Уленшпигель обнял Неле и сказал: «Никому не удастся похоронить Уленшпигеля — дух, и Неле — сердце нашей матери Фландрии! Фламандский народ никогда не умрёт, а значит, не умрём и мы. Пойдём, Неле!»

И они ушли, распевая весёлую песню. И доброе, ласковое солнце освещало свободную землю, по которой шли Неле и Уленшпигель.

И с тех пор ночами на берегу моря всегда горит маяк, который зажигает Тиль Уленшпигель—бессмертный дух фламандского народа.

Конец

Сценарий В. Непомнящего
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм», 1973 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-085-73